

УДК 811.161.1'42:398.21(470)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В ТЕКСТАХ СКАЗОК ИЗ СБОРНИКА А. Н. АФАНАСЬЕВА

Р. Катаян

Московский государственный лингвистический университет
E-mail: hrshikakatyayan@gmail.com

Статья посвящена описанию видов и функций семантических повторов в текстах русских народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым. Делается вывод о том, что семантические повторы в сказках являются не просто выразительным средством, они способствуют приращению смысла, служат формированию когнитивных способностей ребенка.

Ключевые слова: русская народная сказка, семантический повтор, полисемия, семантическое поле, генетическое родство, корнесловный повтор, коннотация.

Semantic Repetitions in Fairy-tale Texts from A. N. Afanasyev's Collection

R. Katyayan

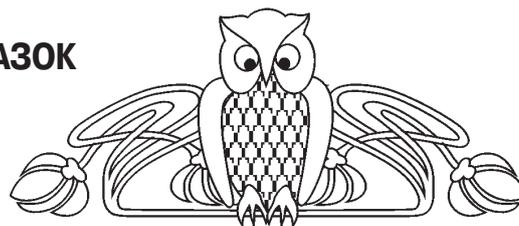
The article deals with the description of the types and functions of semantic repetitions in the texts of the Russian folk fairy-tales collected by A. N. Afanasyev. The author comes to the conclusion that semantic repetitions in fairy-tales are not simply an expressive means, they promote the expansion of meaning and serve to form a child's cognitive abilities.

Key words: Russian folk fairy-tale, semantic repetition, polysemy, semantic field, genetic affinity, word root repetition, connotation.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154

Народная сказка, вне зависимости от того, уходят ли ее корни в обряд и миф или в бытовые наблюдения, является «чисто художественным»¹ текстом со всеми присущими ему особенностями. Отдельные языковые единицы в ее составе – «фонемы, морфемы, – становясь в ряды некоторых упорядоченных повторяемостей, семантизируются и становятся знаками»². В результате сказку можно интерпретировать и как цепочку языковых знаков, несущих определенную информацию, и «как последовательность знаков более крупных»³, позволяющих считать другой пласт информации. Разноразличные повторы в текстах сказок неразрывно связаны, их взаимодействие ведет как к приращению смысла, так и к усилению выразительности, поэтому выделение семантического повтора в рамках данной статьи имеет несколько искусственный характер, оправдываемый необходимостью аналитического расслоения живого текста.

Поскольку повтор любой значимой языковой единицы – лексической, морфологической, синтаксической – можно назвать в широком смысле семантическим, мы должны уточнить, что в данной статье рассматривается только повтор семантических компонентов, осуществляемый путем сопо-

ложения в тексте несущих их слов, а также повтор слова с разными значениями. Такое выделение продиктовано асимметрией языкового знака, в силу которой один элемент плана выражения (слово, словосочетание и проч.) может соотноситься с рядом элементов плана содержания, и, наоборот, одна единица плана содержания может иметь несколько способов языкового выражения, воплощающихся в синонимическом ряде, парах антонимов или в семантическом поле⁴. Н. А. Кожевникова, изучая повторы, перефразировала это так: «Одно через разное и разное как единое»⁵. Нами выделены следующие виды семантических повторов: 1) одно слово – разные значения; 2) одно слово – перифраза; 3) два слова – одно семантическое поле; 4) два слова – одна внутренняя форма; 5) два слова – одна коннотация. Семантический повтор может быть реализован как в синтаксически связанных отрезках речи (чаще всего с помощью однородных членов предложения), так и в дистантно расположенных, в частности, в параллельных синтаксических конструкциях или в репликах диалога.

Повторы в текстах русских народных сказок выполняют важную когнитивную задачу – учат адресата (детей) ориентироваться в закономерностях и накладывающихся на них случайностях. Поэтому базовым принципом в тексте любой сказки является сочетание симметрии (повтора) с асимметрией (введением в ранее дважды повторенную схему нового, непредсказуемого компонента). Такой способ моделирования действительности в тексте Ю. М. Лотман охарактеризовал как «семантически богатый, особо значительный»⁶. Учитывая это, мы считаем важным вычленивать не только формальные способы воплощения семантического повтора, но и аккумуляруемые им смыслы, а также определить роль этих смыслов в тексте и шире – в жизнедеятельности человека.

1. Одно слово – разные значения.

При повторе многозначного слова могут актуализироваться разные его значения, например: *Наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой **жить**. Старухи сказали: – Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного **жить***⁷. Лексема *жить* имеет следующие толкования: «1. Существовать, находиться в процессе жизни, бытия, <...> 3. Проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать»⁸. Таким образом, сначала слово *жить* появляется в тексте сказки в своем частном значении (3), а затем в более

важном, экзистенциальном (1). Так в сознании адресата волшебной сказки фиксируются разные ступени обобщения, разные точки на шкале БЫТ – БЫТИЕ. Примечательно, что повтор приходится на акцентированную синтаксическую позицию конца предложения. Он включен в диалогическое единство, с той лишь оговоркой, что первая реплика представлена косвенной речью, а вторая – прямой. Словарное значение, соотносимое с бытовой сферой, актуализируется в реплике персонажа, связанного с реальным миром, а экзистенциальное значение открывается в реплике мифических персонажей.

В сказках о животных повторяющиеся многозначные слова уже не принадлежат к категории ценностей. Они, скорее, останавливают внимание адресата на правильных/неправильных формах поведения: *Я вздумал на тебе жениться: поди за меня. – Нет, журавль, нейду за тя замуж! Пошёл журавль домой*⁹. Глагол *пойти* здесь имеет свободное значение «1. Начать идти»¹⁰ и фразеологически связанное – «стать чьей-то женой», которое в современном русском литературном языке перешло к глаголу *выйти*¹¹. Как и в волшебной сказке, значения располагаются в последовательности от производного к первичному, слабая синтаксическая позиция поддерживается сильной. Асимметрия воплощается в разных грамматических формах повторяющейся лексемы. Примечательно, что, помимо регулятивной функции (т. е. регламентирующей нормы поведения в обществе), повтор в сказке «Журавль и цапля» выполняет структурирующую функцию: маятниковая структура текста формируется уходами и приходами персонажей, а причиной этих хождений оказывается попеременный отказ пойти замуж или жениться. Можно заключить, что слово *пойти* является ключевым для данного текста, и семантический повтор помогает это заметить.

В бытовых сказках рассматриваемый вид повтора может принимать форму антономазии. Так, счастливый конец в сказке «Знахарь» строится на совпадении имени главного героя – *Жучок* – и имени нарицательного *жук, жучок*: *Идёт по дорожке, увидал жука, поднял его и воротился к знахарю: – Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке? Мужик испугался и говорит сам себе: – Что, попался, Жучок, царю в руки!*¹². Здесь актуализированы уже сугубо бытовые реалии, повтор имеет каламбурный характер и выполняет функцию регулятива, указывая на умение посмеяться над собой как на полезный вид поведения.

2. Одно слово – перифраза.

Этот вид повтора чаще всего средствами языка передает динамику или интенсивность реального действия. Последовательность «перифраза – слово» воспроизводит ускоряющееся движение, последовательность «слово – перифраза» отражает замедляющееся движение, например: *а она не ворохнется, лежит себе как мертвая*¹³; *пустилась в погоню <...> Понеслась она ещё быстрее*¹⁴. Перифраза может указывать на повышение интенсивности действия: *Иван-царевич заплакал <...> Залился*

*Иван-царевич горькими слезами*¹⁵, или на падение интенсивности желания благодаря его реализации: *Хоть бы во сне его увидеть! А дед говорит: – Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях*¹⁶. Несмотря на то что данный вид повтора мог бы выполнять простую задачу устранения однообразия в тексте путем синонимической замены, он осуществляет более сложную функцию, обеспечивая приращение смысла.

3. Два слова – одно семантическое поле.

К этой группе мы относим повтор синонимов, супплетивных образований, слов одной тематической группы, двандву, а также антонимы.

Повтор синонимов может быть плеонастическим, например: *В стары годы, в старопрежние; Они возрадовались и возвеселились; ставить на пути, на дорожки*¹⁷. В первом примере плеонастическим повтором связаны даже корни сложного слова. Примечательно, что данный вид повтора характерен для формульного зачина или концовки текста или его фрагмента. Традиционные формулы обеспечивают жанровую узнаваемость сказки (К. Уоткинс трактовал их как маркеры сакральных текстов¹⁸), осуществляют глобальную связность текста.

Использование синонимов, расположенных по нарастанию интенсивности признака, часто служит драматизации повествования: «...*Бейте его! Бейте его!*» *Прибежали и начали колотить волка*¹⁹; *добрый конь <...> что ни есть наилучшего коня*²⁰. Употребление доминанты синонимического ряда и члена ряда с более узким значением позволяет конкретизировать ситуацию, усилить ее образность или при обратном порядке следования синонимов обобщить сказанное: *Пока ведьма карабкалась да лезла*²¹. Повтор стилистических синонимов служит созданию портретных характеристик персонажа: *Побежала к кузнецу и просит его: – Ковалику, ковалику!* (льстивость, вкрадчивость ведьмы)²²; «*Давай-ка убьём своих жён да продадим*». *Ухлопали своих жён* (простоватость старших братьев)²³. Впрочем, повтор близких по значению слов нередко выполняет стандартную функцию синонимической замены в целях повышения богатства речи: *и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал!*²⁴

Повтор супплетивных образований – слов, обозначающих разные стороны перцепции (*слушать/слышать, смотреть/видеть*), – передает временную последовательность действий, отмечает поворотные узлы повествования: *и теперь Иван-царевич пришёл послушать от него сказочки, да не то услышал; посмотрит на свой дворец и видит*²⁵.

Повтор слов одной тематической группы нередко поддерживается повтором на другом языковом уровне. Этот прием учит адресата возможностям альтернативного моделирования мира. Так, фрагмент сказки «Ведьма и Солнцева сестра» – *родится дочь, а тебе сестра; будет она страинная ведьма*²⁶ – содержит слова *дочь* и *сестра*, относящиеся к тематической группе СЕМЬЯ, т. е. к той

категории, которая для ребенка является маленьким миром. В то же время в этом фрагменте есть еще и фонетический повтор – *стра*, целью которого является суггестивное формирование категории потусторонних сил, и эта категория включает в себя члена семьи. Такая структура текста, по мысли Ю. М. Лотмана, «позволяет моделировать ситуации, включение в которые неподготовленного индивида грозило бы ему гибелью»²⁷.

В некоторых случаях употребление номинаций, обозначающих разных членов одной социальной группы, указывает на смену субъектов речи, например: *Сестра выбежала, встретила его, приголубила: – Сядь, – говорит, – братец*²⁸. Слово *сестра* именуется контрагентом с точки зрения главного героя – Ивана-царевича, а слово *братец* отражает точку зрения ведьмы. По выражению М. М. Бахтина, это «проведение темы по многим и разным голосам»²⁹. Текстовая полифония, помимо того что выделяет значимые фрагменты, заметно оживляет монолог сказителя.

Двандва – прием, широко представленный в древнеиндийском эпосе. Он заключается в соединении двух слов одной тематической группы в сложное слово, например *живало-бывало*, *пити-ести*, *пивца-винца* и под. Это древнейшее экспрессивное средство, способ реализации наивного рифмотворчества. Двандва показывает полноту и целостность события (*напоила-накормила*) или ситуации (*жил-был*), уникальность места (*царство-государство*) или явления (*гуси-лебеди*). Она встречается в сильных позициях текста – начала, конца, а также в местах кульминационных поворотов.

Антонимы – это слова, также принадлежащие к одному семантическому полю, но их отличительной чертой является контраст значений. На них нередко держатся формульные повторы: *Долго ли, коротко ли* (от большего к меньшему)³⁰; *Прошло мало ли, много ли времени* (от меньшего к большему)³¹. Такие формулы подчеркивают отличия сказочного времени от реального, замедляют темп повествования, отделяют один сюжетный узел от другого.

Антонимы позволяют показать парадоксальность некоторых ситуаций (*Битый небитого везёт*³²), суггестивно передать идею того, что моделирование ситуации зависит от отношения к ней – при отрицательном отношении отрицательно оцениваются любые качества, в том числе прямо противоположные (*у тебя ноги долги, платье коротко*³³).

Повтор морфологически разнородных слов с контрастным значением может служить зацепкой для обнаружения возможности двойного моделирования: – *Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила*³⁴. В этом фрагменте помимо очевидной квазиоппозиции *старый/молодец* скрывается менее заметная квазиоппозиция – *хрычовка* с отрицательными коннотациями и *добрый* с положительными.

Особую роль в тексте сказок играют прагматические антонимы, т. е. слова, формирующие

культурноспецифические оппозиции, например, пара *земля – небо* нагружена сакральным смыслом. Примечательно, что такие пары не просто встречаются в текстах сказок, а повторяются в них, например: *вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются*, и далее *что он прямо попал на небо <...> а ведьма-змея осталась на земле*³⁵. Прагматические антонимы участвуют в формировании в сознании адресата значимых для данного этноса когнитивных схем, например «выше – лучше»³⁶.

4. Два слова – одна внутренняя форма.

Единой внутренней формой наделены генетически родственные слова и слова с одинаковым корнем.

Повтор генетически родственных слов в рамках одного предложения встречается и в волшебных сказках, и в сказках о животных: *Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости*³⁷; – *Истопи печь по жарче да сжарь хорошенько Иваишу*³⁸. Этот прием выполняет одновременно и обучающую, и экспрессивную функцию. С одной стороны, адресат учится узнавать далекое родство, замечать положенный в основу номинации существенный признак, с другой стороны, обнаружение того, что не лежит на поверхности, сродни загадкам, а их разгадывание обеспечивает гедонистический эффект.

Корнесловный, или корневой, повтор – «это и средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей, и средство познания вещей в процессе их называния»³⁹. Действительно, повтор родственных слов в зачине сказки «Ведьма и Солнцева сестра» – *В некотором царстве, далёком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой*⁴⁰ – позволяет показать изначальное единство мира и гармонию между людьми (золотой век), которое разрушается вследствие рождения зла, воплощенного сестрой-ведьмой.

Корнесловный повтор позволяет выделить объект (*украли у бабы холстину <...> и сказал ей, где холст спрятан*⁴¹) или признак (*у тебя ноги долги <...> Ступай прочь, долговязый!*⁴²), служит драматизации повествования (*и стал он просить Солнцеву сестрицу <...> Она его не пускает, а он её упрашивает*⁴³). Он также скрепляет традиционные формулы: *Это присказка, сказка вся впереди*⁴⁴.

Разновидностью корнесловного повтора является тавтологический повтор, т. е. употребление родственных слов, соединенных синтаксической связью: *стали думу думать; Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается*⁴⁵; *Коваль сковал ей такой голосок*⁴⁶. Это проявление характерной для древних текстов редупликации. Она подчеркивает тесную связь между субъектом/объектом и действием. Впоследствии такой речевой атавизм стал жанровым маркером сказки.

5. Два слова – одна коннотация.

К этому типу относится употребление двух или более слов, нагруженных одинаковыми кон-

нотациями и воплощающих общечеловеческую или национально-культурную ценность, например: *Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! <...> Надела она и стала какая красавица, какая нарядница!*⁴⁷ Слово *веселая* относится к семантическому полю ЭМОЦИИ, а слово *хорошенькая* – к семантическому полю ВНЕШНОСТЬ, однако оба они связаны положительной оценочной коннотацией, формируемой представлениями о счастливом человеке. Эта пара лексем усиливается другой парой, в которой первое слово также относится к семантическому полю ВНЕШНОСТЬ, а второе соединяет это поле с полем ОДЕЖДА. Повторы такого типа служат формированию у адресата ценностной картины мира.

В заключение следует упомянуть, что в текстах сказок нередко встречаются комбинации описанных видов семантических повторов. В частности, они представлены в традиционных формулах: *Долго ли ехал, скоро ли приехал; и стали они жить да быть да добра наживать*⁴⁸.

Наше исследование показало, что семантические повторы в русской народной сказке выполняют не только художественные функции. Они служат формированию когнитивных способностей ребенка, помогают ему овладеть системой общечеловеческих и этноспецифических ценностей, усвоить жизненно важные модели поведения. Они учат отношению к языку не как к простому средству общения, а как к коду, понимание которого позволяет черпать из накопленной поколениями системы знаний. Наконец, они наводят на мысль о многослойности художественного текста и о его способности минимизировать большой объем информации.

Примечания

- 1 Пропт В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2010. С. 313.
- 2 Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970. С. 34.
- 3 Там же.
- 4 См.: Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. : в 2 ч. Ч. 2. М., 1965. С. 85.
- 5 Кожевникова Н. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 111.
- 6 Лотман Ю. Указ. соч. С. 74.
- 7 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / отв. ред. Э. Померанцева, К. Чистов. М., 1984–1985. Т. 1. С. 110.

- 8 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2004. С. 195.
- 9 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. С. 85.
- 10 Ожегов С., Шведова Н. Указ. соч. С. 548.
- 11 Там же. С. 113.
- 12 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. III. С. 97.
- 13 Там же. Т. I. С. 11.
- 14 Там же. С. 111–112.
- 15 Там же. С. 111.
- 16 Там же. С. 140.
- 17 Там же. С. 106.
- 18 См.: Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI : Новое в современной индоевропеистике / сост. В. В. Иванов. М., 1988. С. 451–473.
- 19 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 11.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 112.
- 22 Там же. С. 139.
- 23 Там же Т. III. С. 117.
- 24 Там же. Т. I. С. 112.
- 25 Там же. С. 110–111.
- 26 Там же. С. 110.
- 27 Лотман Ю. Указ. соч. С. 71.
- 28 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 111.
- 29 Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 154.
- 30 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 111.
- 31 Там же. С. 138.
- 32 Там же. С. 12.
- 33 Там же. С. 85.
- 34 Там же. Т. II. С. 267.
- 35 Там же. Т. I. С. 111–112.
- 36 См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- 37 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 44.
- 38 Там же. С. 139.
- 39 Зубова Л. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989. С. 13.
- 40 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 110.
- 41 Там же. Т. III. С. 96.
- 42 Там же. Т. I. С. 85.
- 43 Там же. С. 111.
- 44 Там же. С. 85.
- 45 Там же. С. 113.
- 46 Там же. С. 139.
- 47 Там же. С. 116.
- 48 Там же. С. 114–115.

Образец для цитирования:

Катаян Р. Семантические повторы в текстах сказок из сборника А. Н. Афанасьева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 151–154. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154.

Cite this article as:

Katyayan R. Semantic Repetitions in Fairy-tale Texts from A. N. Afanasyev's Collection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 151–154 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154.